

Кира Хольт

Невыученные уроки

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Кира Хольт

Невыученные уроки

<https://litres.ru/73996316>

SelfPub; 2026

Аннотация

Дик Белфри возвращается в родной Миддлбери всего на несколько дней, чтобы похоронить мать, уладить вопросы с наследством и как можно скорее вернуться к привычной жизни в Чикаго.

Но прошлое не собирается отпускать его так легко.

На тихих улицах маленького городка его ждут старые обиды, болезненные воспоминания и встреча с женщиной, которую он когда-то любил и одновременно ненавидел. Кэтти Мэйфилд была звездой школы, а Дик — мальчишкой, ставшим удобной мишенью для насмешек. Прошло десять лет, у каждого своя жизнь, семья и собственные тайны. Только некоторые раны не исчезают со временем.

Иногда достаточно одной случайной встречи, чтобы прошлое вновь потребовало ответа за все невысказанные слова и невыученные уроки.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Кира Хольт

Невыученные уроки

Глава 1

Да где же эти чертовы крекеры?

В тщетных поисках соленых крекеров, которые так любил в детстве, я шел с пустой тележкой по супермаркету. Когда мне было десять, моя мать часто их покупала. Помню, как мог слопать целую пачку в один присест, а она потом ругалась, что у меня опять будет несварение. Тогда у меня нередко случалось несварение, но только не от крекеров.

Сегодня мне захотелось их так сильно, что хоть помирай.

Хм, хоть помирай. Какая своевременная мысль. Смерть. Давно я о ней не задумывался. До вчерашнего дня. Но куда же они их все-таки засунули? Может, в отделе с сухими завтраками?

Я свернул за угол и оказался в нужном отделе. Краем глаза заметил, что в самом его конце у одной из полок стоит молодая женщина с такой же магазинной тележкой. В ней сидел ребенок лет пяти. Кажется, то был пацан.

Сегодня мне было до того паршиво, что я не особо заострил на них внимание, скорее, просто отметил присутствие. Да и женщина стояла вполоборота, так, что лицо ее было

скрыто длинными светлыми волосами, но все же что-то в ее облике заставило меня взглянуть еще раз. Взглянуть и тут же резко остановиться.

Дерьмо! Только ее не хватало!

Я повернулся к ближайшей полке и буквально уперся носом в пачку с сухим завтраком, с которой на меня с улыбкой имбецила пялился заяц. Делая вид, что внимательно изучаю состав, я скосил глаза влево и убедился, что это точно она. Кэтти Мэйфилд.

Спокойно. Просто сделай вид, что не увидел. Может она не заметит и уйдет? Не знал, что у нее есть ребенок. Хотя, у нее их, наверное, уже целый выводок. А вообще, какая мне, к черту, разница?

Вновь отвернувшись к полке, я взял пачку в руку и продолжил изучать состав. В глаза прыгнули огромные буквы: «Готовый шоколадный завтрак, обогащенный витаминами и минеральными веществами». Чушь какая-то. В виске снова запульсировала тупая боль.

Какого хрена я делаю? Нужно просто развернуться и пройти мимо нее. А лучше вообще сдать назад.

Решив, что именно так и стоит поступить, я поставил пачку обратно и отошел от полки. Но вместо того, чтобы последовать своему же решению, почему-то потопал вперед. Ладно, она явно увлечена выбором овсяных хлопьев, да и ребенок не перестает ее дергать вопросами, так что меня она не заметит.

Просто идти прямо. Не поворачивать к ней головы. Спокойно пройти мимо. Эти инструкции стучали в моем мозгу с упорством колотящего по дереву дятла. Также бессмысленно и беспощадно.

Почти поравнявшись с ней, я услышал детский голос с нечеткой, еще неоформившейся речью, которой бы не помешало вмешательство логопеда.

— Мама, а вот эти? Давай вот эти? — пискляво верещал белокурый пацан.

В ответ она спокойно, но с заметной усталостью в голосе сказала:

— Нет, Мэтью, мы ведь договорились. И помолчи хоть немного, не мешай мне.

Я прошел мимо. Фух. Теперь наконец можно выдохнуть. Про крекеры я и думать забыл. Единственным желанием было добраться до машины, а затем выдержать следующую неделю, покончить со всеми формальностями и убраться обратно в Иллинойс...

— Дик? Дик Белфри? — прозвучало мне вслед.

Меня будто пнули в спину. И отшвырнули лет на десять назад.

Да, это я. Меня зовут Дик Белфри. А если точнее — Ричард Джилмер Белфри. Почти тридцать лет назад моим родителям пришлось в голову поиграть в ирландских аристократов и наградить своего единственного отпрыска двойным именем. Знай они, сколько насмешек ему предстоит вынести

из-за этого в школе, наверное, перед тем они бы трижды подумали.

За секунду в мыслях у меня воссоздались события дня, который я за эти годы вспоминал чаще всего. То был теплый, солнечный майский день. Выпускной класс старшей школы. Майк Джойс толкает меня в спину, подгоняя идти быстрее. Рядом со мной, подскакивая, как кукла на разболтанных шарнирах, идет Итан Кларк и глумливо скалясь, заглядывает в лицо.

— Этот маменькин сынок сейчас разрыдается, Майк. Смотри, у него уже губёшки трясутся. — Он обернулся к наступающим мне на пятки одноклассникам и с весельем в рыжих, как тараканье брюхо, глазах подмигнул. — Эй, Дик, ну чего ты! Не хнычь! Мы всего-то прогуляемся немного.

За спиной послышался издевательский смех. Слух резануло, что ее смех звучал громче других, а уже в следующий миг я упал. Не помню, как это произошло — то ли зацепился ногой за корягу, то ли споткнулся о камень или наступил на развязавшийся шнурок, но приложился я хорошо. Из-за того, что мои руки были связаны за спиной, при падении я не сумел сгруппироваться, а потому знатно пропахал носом землю. Когда меня подняли, из него на рубашку густо капала кровь.

Майк Джойс снова толкнул меня между лопаток и я уныло поплелся вперед. Вокруг шумел лес. Небо было до того синим, что было больно глядеть. А тут еще и кровь стекает

прямо по ложбинке над верхней губой, что тоже не очень приятно. Кому хоть раз разбивали нос, знает, каково это.

Чтобы остановить кровотечение, я задираю голову кверху и шурился на пробивающееся сквозь молодую листву солнце. Заодно начал прищмыгивать носом. Это мало помогло, зато позабавило Итана — он решил, что я все-таки расплакался. Не дожدهшься, свинья! Я никогда не плакал, по крайней мере, при них. Хотя было чертовски больно.

Больно глазам, больно разбитой переносице, но больнее было от ситуации, в которой я оказался бессилен. Впрочем, мне было не привыкать — в школе меня постоянно травили. Долго, настойчиво, день за днем. Начиная с седьмого класса. К этому в конце концов привыкаешь, но я ненавижу школу. Ненавижу их всех. А больше всего ненавижу её.

— Ты специально его толкнул, чтобы он упал? — услышал я ее тихий вопрос. Она задала его Майку.

— Да он сам грохнулся, ты что не видела? Этот слюняк и шагу не может ступить, чтобы не запутаться в своих же ногах. Недоносок.

Он плюнул мне на куртку. Я буквально ощутил, как его смачный харчок приземлился прямо в центр спины. И снова взрыв дружного хохота, над которым преобладает один — звонкий, беспечный, ненавистный.

Я ненавижу Кэтти Мэйфилд. Ненавижу чертову Кэтти Мэйфилд.

Меня привели на укромную лесную поляну, где привяза-

ли к дереву. Следующие минут двадцать в ход шли обычные оскорбления и грубые шуточки по поводу моего внешнего вида. Моих длинных, вечно грязных волос. Запаха пота и черной безразмерной одежды. Брекетов. Блестящих способностей к учебе и неспособности постоять за себя. Высоких оценок учителей и, конечно, дурацкого визита моей матери в школу, из-за которого меня и прозвали маменьким сынком.

В общем, все, как обычно. По стандартной программе. Я давно привык и уже почти не обращал внимания, но так далеко, как в тот день, они еще не заходили. Ни разу до того они не уводили меня в лес.

Как правило, меня вылавливали в школьных коридорах, туалетах или на улицах и ограничивались словесными унижениями. Еще иногда могли толкнуть, замахнуться или поставить подножку. Я всегда терпел и молча сносил все издевательства. Боялся ли я? Нет, по-настоящему я их не боялся, но внутри меня как будто было что-то сломано. Что-то, из-за чего в нужный момент я всякий раз впадал в оцепенение.

Тогда все окончилось тем, что им надоело. Майк Джойс пару раз прописал мне в живот, затем приложился Итан Кларк и Джеймс Моран — прыщавый, тощий задрот, которому при желании я бы с легкостью мог сломать челюсть. Райан Маккинзи и Харви Райт воздержались.

Она все это время стояла в стороне. Не вмешивалась, но при этом с брезгливой усмешкой внимательно за всем наблюдала. В какой-то момент, когда мне нанесли очередной

удар, попавший akurat в солнечное сплетение и на несколько секунд лишивший меня способности дышать, наши взгляды встретились. Брезгливая усмешка на ее губах сменилась надменностью, а в глазах зажглось мстительное торжество. Я не знал, за что она мне мстит и за что ненавидит, но именно она была моим главным врагом.

— Ладно, парни, хватит с него. Пойдем уже, а то скучно стало. У Шерил сегодня вечеринка, кстати. Вы не забыли?

Как обычно, одной ее фразы хватило, чтобы прервать экзекуцию. Так происходило всегда. В их компании она была серым кардиналом и управляла ими, как искусный жонглер, или кукловод, дергающий марионеток за ниточки. Только вряд ли кто-то из них отдавал себе в том отчет. Они считали своим лидером Майка, а сам Майк был до того туп, что принимал все решения по щелчку ее тонких пальцев.

Прежде чем уйти, она вновь на меня посмотрела. Долго, со злобой, которую я никогда не мог в ней понять. Потом презрительно хмыкнула и двинулась следом за остальными. Последнее, что я видел, это как она догнала Майка и с веселым воплем вскочила ему на спину.

Я выдержал минут десять до того, как глаза ожгло предательскими слезами, а дальше еще час простоял, безвольно пялясь в небо. Его невыносимую синь затмила непонятно откуда набежавшая туча и только когда начал накрапывать дождь, я предпринял попытку освободиться...

Сейчас, услышав, как она окликнула меня, я, сам того не

желая, застыл на месте. Теперь уже не удастся сделать вид, что это не я и просто пройти мимо. Кретин. Ладно, ты ведь не трус, Белфри? Я горько усмехнулся и повернулся к ней.

— Да?

— Не может быть! — она распахнула в удивленном восторге свои синие, как холодная вода Мичигана, глаза. — Это ведь ты! Что ты здесь делаешь? Приехал к матери?

Она двинулась было ко мне, но в это мгновение мой кадык непроизвольно дернулся. И не только кадык: я почувствовал, как по всему лицу прошла нервная мышечная судорога.

Возьми себя в руки, слабак! Еще не хватало распухнуть перед ней нюни.

— Моя мать вчера умерла, — сказал я в следующую секунду и мне удалось выговорить это сухо, без единой эмоции.

— О боже! — выдохнула она. Ее глаза распахнулись еще шире, но теперь уже от растерянности, а рука взметнулась ко рту и плотно, совсем как-то по-детски его накрыла. — Ох, Дик! Мне так жаль...

Она все-таки пошла ко мне и даже протянула правую руку, явно намереваясь сочувственно сжать мне плечо, но я дернулся и отступил назад.

— Все в порядке. Это твой сын? — Я посмотрел на сидящего в тележке светловолосого пацана.

Интересно, чей это выродец? Майка?

— Да, это Мэтью, — с легкой улыбкой она бросила взгляд

на притихшего мальчишку и ласково провела по его волосам, но затем сразу же повернулась ко мне. На ее лице по-прежнему отражалась участливая растерянность. — Но как же так? Я ведь видела ее совсем недавно! Может, неделю назад...

Какого хуя она разыгрывает сочувствие? К чему это показное участие, Кэtti?

— Инфаркт. Ее вчера утром нашла соседка, — не меняя сухого тона, произнес я. — Извини, я тороплюсь.

— Да, да, конечно! Я тебе соболезнаю, Дик. И если что-то будет нужно...

Окончание ее фразы я уже не услышал, потому как после слов соболезнования развернулся и молча пошел к выходу.

Ха! Соболезнаю. Она за идиота меня принимает? Пусть засунет свои соболезнования в жопу!

Едва не снеся с опозданием открывшуюся автоматическую дверь, я оказался на улице. В нос ударил запах влажной листвы и дыма из печных труб. Многие дома в Миддлбери отапливаются дровами, а потому с наступлением первых холодов этот запах преобладает над остальными. Из пекарни на углу улицы к нему примешивался аромат яблочных пончиков и кленового сиропа.

Стояла середина октября. Сейчас был ранний вечер и сумерки, мягкие и тихие, как и все в этом старом городе, постепенно окутывали крыши домов и арки потемневшего от времени каменного моста. После шедшего утром дождя ас-

фальт еще не просох и влажно поблескивал в огнях зажженных витрин. Кое-где в лужах отражались силуэты переодевшихся в багрянец кленов.

Как и всегда, осень в этих краях представляла во всей своей красе. Такая идиллическая картина могла бы воодушевить любого, но только не меня — с нее на меня смотрело мое прошлое. Я не любил Миддлбери, его уютную, полусонную атмосферу, его размеренность и тишину. Не любил настолько, что при первой же возможности из него сбежал и за последние десять лет бывал здесь от силы раза четыре.

Дойдя до машины, я поспешил забраться внутрь и завел двигатель. Руки почему-то мелко тряслись, во рту пересохло. Я открыл окно. Лицо горело. Я не ожидал встретить ее вот так. И не ожидал, что она почти не изменилась.

До родительского дома было всего пять минут езды. Представив, что всю ближайшую неделю мне предстоит провести в его осиротелых стенах, я сокрушенно вздохнул и выехал на дорогу.

Глава 2

С момента моего отъезда из Миддлбери на нашей улице совсем ничего не поменялось. Те же двухэтажные деревянные дома, выкрашенные в светлую краску, те же почтовые ящики у дороги, те же старые клены. Даже шепот ветра в их высоких кронах и плеск воды в Оттер-Крик тот же. Казалось, жизнь здесь навсегда замерла и никогда не изменится. После суетливого, шумного Чикаго этот контраст был особенно заметен.

Поднявшись по скрипнувшему под ногами крыльцу, я открыл дверь. Внутри дома царила оглушающая тишина. Здесь тоже ничего не изменилось, только теперь не хватало мамы. Раньше, когда я входил, она всегда спешила мне навстречу, теперь же меня встретила пустота.

Внезапно захотелось сказать привычное: «Мам, я дома», — однако тотчас я понял, что это не принесет облегчения. Она не ответит. Она больше никогда не ответит. В груди поднялась волна боли и сожалений, но усилием воли я их подавил. Я всегда прибегал к такому способу справляться с трудностями. Подавлять эмоции я научился еще в подростковом возрасте и потом не раз убеждался, что так проще всего.

Не решаясь пройти дальше, я все еще стоял на пороге. Взгляд упал на ее записную книжку. Среди еженедельных газет и рекламных буклетов с акционными товарами она ле-

жала на тумбочке у входа и была открыта посередине. На одной из страниц, исписанных ее крупным почерком, я увидел обведенный несколько раз ручкой телефонный номер. Запись внизу гласила: «Кардиология. Доктор Харпер. Четверг, 14:30».

Почему же ты ничего не говорила, а, мам? Почему молчала?

Я вспомнил наш последний разговор около недели назад. Мы болтали по телефону и то был вполне обыденный разговор о моих делах на работе, обсуждение погоды, пересказ последних городских сплетен и остальная ничего не значащая ерунда. Еще обсуждали ее возможный приезд в Чикаго на день Благодарения, но ни словом она не обмолвилась, что ее беспокоит сердце.

Внезапно хлопнувшая задняя дверь вывела меня из размышлений. Я не сразу понял, что это, скорее всего, Нора была в саду и теперь вошла в дом. Черт, я совсем забыл, что приехал сюда вместе с женой. В ожидании ее появления, я провел рукой по лицу и натянул на себя подобие улыбки.

— Дик? Ты вернулся? — крикнула она из кухни. Пройдя по коридору, она показалась в дверном проеме гостиной. — Я была в саду, но услышала, как подъехала машина.

— Да, я только вошел.

В свои слова я постарался вложить как можно больше беззаботной интонации. Показывать, насколько мне хреново, совсем не хотелось. Даже ей. За сегодняшний день я

так устал от соболезнований, что проще было притвориться, будто я в полном порядке.

Сняв куртку, я прошел к дивану и уже намеревался на него плюхнуться, но тут заметил, что Нора смотрит на меня выжидающе. Смотрит так, словно я что-то забыл. *Блядь! Молоко!*

— Ты забыл купить молоко, верно? — подтверждая мою догадку, с мягким укором спросила она.

— Да, прости. Я что-то... — отчаянно соображая, как оправдаться, я потер переносицу.

Не знаю, почему мне вдруг захотелось перед ней оправдаться, ведь я всего лишь забыл купить чертово молоко, но желание это возникло абсолютно спонтанно и было до того сильно, будто я сотворил нечто преступное.

— Ничего, милый, не страшно. Обойдемся без молока.

— Хочешь, я еще раз съезжу? — предложил я.

— Нет, не стоит.

Она мягко мне улыбнулась и подошла ближе. Обняв за талию, Нора прижалась лицом к моей шее, а я стоял, как одеревеневший чурбан и не знал, куда девать руки. В конце концов, я обнял ее в ответ. Тихонько, будто исполняя медленный полутанец, она принялась раскачиваться из стороны в сторону, вовлекая в это действие и меня.

Обычно таким способом она меня успокаивала, вот только на этот раз вместо успокоения, я испытал досаду. Меня так и подмывало отстраниться и наконец сесть на диван, но,

чтобы не обидеть жену, я поддался. Еще какое-то время мы простояли в молчании, которое нарушало лишь монотонное тиканье часов на стене.

— Ты пахнешь дождем, — Нора задрала голову вверх и задумчиво заглянула мне в лицо.

Помимо задумчивости, в ее глазах я отчетливо увидел за-таенную жалость. Она появилась там со вчерашнего дня, сразу после известия о смерти, и с тех пор не исчезала. Она буквально прилепилась к ее красивому, чуть строгому лицу, из-за чего я вот уже сутки не мог на нее нормально смотреть. Каждый раз, натыкаясь на ее сочувственно нахмуренный лоб или скорбно опущенные уголки губ, мне хотелось отвести взгляд.

В голову пришло, что именно из-за этой сочувственной гримасы мне не терпится от нее отодвинуться. Нет, я любил Нору и знал, что она старается меня поддержать, но отчего-то вместо признательности ее поддержка вызывала ровно противоположный эффект. Я испытывал глухое, непонятное мне самому раздражение.

Возможно, дело в том, что она совсем не знала мою мать. Мы поженились чуть больше года назад и перед тем еще год были в отношениях, поэтому виделись они всего трижды. Один раз до свадьбы, потом во время церемонии и в последний раз полгода назад, когда мама приезжала в Чикаго. И как бы Нора не пыталась разделить со мной горе, внутренне я чувствовал в ее действиях если не фальшь, то несколько

преувеличенную наигранность.

— А ты сигаретами, — ответил я. — Опять курила?

— Да, не удержалась, — она вздохнула и наконец расцепила руки.

Я испытал облегчение. Сев на диван, щелкнул пультом и уставился в телек. Нора опустилась рядом. Мы оба внимательно смотрели в экран, но не уверен, что я хоть что-то там видел.

— Ты сильно вымотан? — ласково проведя пальцами по моей щеке, спросила она спустя время. — Завтра предстоит трудный день и это хорошо, что твоя соседка поможет с похоронами. Не представляю, как бы мы без нее справились.

Отозвавшись на ее ласку, я машинально потерялся об ее руку. От ответа меня избавил неожиданный звонок в дверь.

— Я открою, сиди, — Нора легко вспорхнула с дивана и направилась к двери.

Еще через пару секунд я услышал голос Нэнси Рос. Обычно он звучал жизнерадостно, но сегодня в нем сквозила неподдельная грусть. Она была нашей ближайшей соседкой и давней подругой матери. До ее смерти они дружили лет сорок и именно она нашла ее вчера утром на полу кухни. Она же вызвала скорую, договорилась с ритуальным агентством и взяла на себя часть забот по организации похорон. Как выяснилось, она принесла нам ужин.

— Я подумала, вы голодные, поэтому приготовила лазанью и испекла пирог с корицей и яблоками, — проходя

внутри, объявила она.

— Что вы, не стоило! — воскликнула Нора. С озадаченным выражением лица она оглянулась на меня и соврала: — Мы с Диком как раз собирались что-нибудь заказать...

Из-за чрезмерной заботы наших соседей ей явно было так же не по себе, как и мне.

— Вот еще! — От ее заявления с Нэнси мигом слетела вся ее траурная меланхолия. — Зачем же заказывать всякую дрянь, если я отлично готовлю? И уж куда лучше, чем в любом ресторане. Дик не даст соврать, мою лазанью и яблочный пирог с корицей обожают весь Миддлбери!

— Это правда, Нора. У Нэнси самая вкусная лазанья, — сказал я, чтобы хоть что-то сказать. — Спасибо, Нэнси.

Я отыграл хорошего мальчика, а теперь, пожалуйста, оставьте меня хоть на минуту в покое.

Я знал Нэнси Рос с пеленок и был безмерно благодарен ей за заботу, но за сегодняшний день мы виделись уже дважды. Помимо нее, на порог к нам то и дело заявлялись другие соседи, отчего у меня уже медленно съезжала крыша.

В подобных Миддлбери городках соседи часто не просто знакомые — они почти что родня. Они знают все друг о друге, вместе отмечают праздники, вместе радуются важным событиям и, конечно, вместе горюют. Я осознавал, что каждый из них желает помочь, но после ночной выматывающей дороги, после посещения похоронного бюро, выбора гроба, цветов, даты захоронения и согласования прочих важных дета-

лей, я был совершенно без сил.

— Дик, ну как ты?

Нэнси подошла и с присущей ей фамильярностью взъерошила мои волосы. Зачем? Она же знала, как меня это бесит. Всегда бесило, но раз за разом она это делала. Не то чтобы я на нее злился, все-таки она была почти часть семьи, но сейчас это особенно нервировало.

— Нормально. Спасибо еще раз за все, Нэнси. Сам бы я со всем не справился.

— Да перестань, Дик, — усаживаясь рядом, отмахнулась она. — О чем ты вообще говоришь? Мы с Кэрол столько лет были лучшими подругами и кому как не мне тебе помогать. Тем более, что все ваши родственники живут на Западе. Кстати, ты дозвонился дяде Ховарду? Он ведь приедет?

— Да, они с тетей Хелен вылетают сегодня ночью.

— Это хорошо. Значит, к утру будут здесь.

После недолгого молчания Нэнси пару раз тихо всхлипнула. Скосив на нее взгляд, я заметил, что она украдкой смахнула набежавшие слезы.

Ну, сейчас начнется...

— Ох, Дик, просто представить не могу, что ее больше нет. Ведь еще позавчера вечером мы сидели вот на этом самом диване и она рассказывала, что собирается поехать к тебе на день Благодарения. Еще все думала, что бы такого подарить твоей жене.

Нэнси, мать твою! Пожалуйста! И так хреново на душе.

Конечно я не сказал этого вслух.

— Не надо, Нэнси, не плачь. — попросил я, чтобы ее успокоить. Утешающе похлопав по спине, я протянул правую руку и слегка ее приобнял.

На секунду из ее груди вырвалось похожее на крик чайки рыдание, но почти мгновенно она успокоилась, выпрямилась и энергично стерла с лица остатки слез.

— Да, ты прав! Нам сейчас никак нельзя расклеиваться. Еще столько дел впереди. Ты обзвонил всех родственников?

Я рассеянно кивнул. Нэнси еще помолчала, а потом вдруг встрепенулась и хлопнула себя по коленям сразу обеими ладонями.

— Ох, бог ты мой! Я ведь совсем забыла! Я пришла сказать, что договорилась с пастором Коллинзом. Прощальную службу проведут в нашей церкви. Он сказал, что сможет приехать и на кладбище тоже...

От дальнейших подробностей меня спасла Нора. Она вернулась из кухни с подносом, на котором стояли три чашки с чаем и принесенный Нэнси пирог. Дальнейший разговор я практически целиком пропустил мимо ушей.

Кажется, Нэнси говорила о том, как будет проходить церемония прощания, о речи, которую мне обязательно нужно написать и произнести, о процессии на кладбище, поминальном ужине в большом церковном зале, о цветах, которые уже пообещала привезти миссис Хендерсон, о родственниках, что останутся у соседей, о том, кто из местных при-

дет, а кто в последнее время сам слишком плох здоровьем. Она все трещала и трещала, не замолкая ни на минуту.

От ее нескончаемой болтовни мне было мучительно. Я понимал, что должен взять себя в руки, должен участвовать в беседе и решать свалившиеся на меня заботы, но мне хотелось просто встать и выйти за дверь.

Положение по-прежнему спасала Нора. Судя по всему, она прекрасно видела мое состояние, а потому, как верный оруженосец, взяла на себя поддержание разговора. Она сидела рядом, легонько сжимала мою руку, поддакивала, кивала, вежливо улыбалась и время от времени вставляла нужные реплики.

Все усугубилось, когда к нам присоединилась Рита Барнс, еще одна давняя подруга матери. С ее приходом дом переполнился голосами и новыми причитаниями. Обе они, и Рита, и Нэнси то ударялись в слезы, то предавались воспоминаниям, то опять начинали обсуждать предстоящий процесс похорон. Наконец спустя полчаса я не выдержал. Извинившись, я встал и сказал, что хочу немного пройтись.

Тихо выйдя за дверь, я бесцельно зашагал в сторону моста через Оттер-Крик. Холодный воздух ударял в ноздри и приятно остужал горящую кожу. До слуха отчетливо доносился близкий рокот реки — бурный после дождя поток стремительно несся по каменистому дну и эхом оглашал соседние улицы. На пару секунд его заглушил гудок проезжающего мимо поезда, совпавший с глухим звоном колокола на

центральной площади.

Четыре удара. Сколько сейчас времени? Семь или восемь?

После душа я забыл надеть часы и телефон тоже не взял, а потому не мог посмотреть. Да и какая, собственно, разница?

На улице уже стемнело. Лежащие на асфальте листья заглушали стук шагов. Я почти успокоился и ни о чем больше не думал до тех пор, пока не вспомнил, что оставил жену с двумя незнакомыми ей болтливыми женщинами.

Непрощеным нахлынуло чувство вины. Нора не виновата, что у меня умерла мать и, конечно, я не должен был так с ней поступать, но если бы провел в доме еще хоть минуту, точно бы взорвался. Эти мысли лишь мимолетно скользнули в сознании и переключились на другое. Незаметно для себя, я вновь задумался о маминой смерти.

Несмотря на прилепившееся ко мне в школе прозвище, я не был маменькиным сынком, но нас действительно связывала крепкая связь. Отец умер рано и после его смерти мы остались друг у друга одни. Когда я отсюда уехал, ей, наверное, стало еще тяжелее, но тогда я об этом не думал. Убегая, я спасал себя и, откровенно говоря, вообще не задумывался, каково было ей.

Кажется, я свернул не туда. Это что, дом Кэтти Мэй-филд? Черт!

Она жила в двух улицах от меня и я совершенно не понимал, как здесь оказался. Я шел в сторону Бэттелл-бридж, но, вероятно, задумался настолько, что не заметил, как ноги

привели меня к ее дому. Хотя, вряд ли она еще здесь живет. Если у нее есть ребенок, скорее всего, обитает где-нибудь с Майком или еще с кем-то из тех, кто за ней тогда волочился.

В одном из окон горел свет. Интересно, жива ли миссис Мэйфилд? Насколько я помню, она была примерно того же возраста, что и мама. Проходя мимо, я настойчиво призывал себя смотреть прямо, но не удержался и на секунду взглянул. Здесь тоже ничего не поменялось. И да, миссис Мэйфилд точно жива. Вряд ли бы Кэтти стала ухаживать за побуревшими от холода кустами гортензий.

По городу я пробродил еще минимум час. После дома Мэйфилд все-таки дошел до Бэттелл-бридж, немного постоял, глядя на низвергающийся вниз бурлящий поток, потом прошелся по центральной улице, где поглазел на церковь, в которой послезавтра будут отпевать маму и заглянул ненадолго в парк. Я бродил без цели, но в каждом из этих мест на меня обрушивались воспоминания о прошлом.

Домой я вернулся не скоро. Нора уже была в постели и крепко спала. Или делала вид, что спит. По крайней мере, когда я нырнул к ней под одеяло, она никак не отреагировала. На удивление, я тоже довольно быстро уснул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.